

АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ НИКОЛАЕВ

*доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
E-mail: abn_mbox@mail.ru*

В статье изучается вопрос о судьбе Государственной думы в марте-апреле 1917 года, основным содержанием которого стала реализация конструкции власти при верховенстве думского Комитета с ответственным правительством и действующими законодательными палатами — Государственной думой и Государственным советом. По мнению автора, эта идея возникла в недрах формирующегося Временного правительства и была предложена М.В. Родзянко в обмен на его поддержку демонтажа существовавшей тогда царской власти. План создания новой конструкции власти реализован не был, т.к. Временное правительство, привыкшее к своему безответственному положению, не пожелало приобрести характер ответственного перед законодательными палатами и подчиненного думскому Комитету.

Ключевые слова: Государственная дума, Временный комитет Государственной думы, Временное правительство, Основные государственные законы, 87-я статья Основных государственных законов, М.В. Родзянко, А.Ф. Керенский, князь Г.Е. Львов, Н.В. Некрасов.

Вопрос о судьбе Государственной думы в марте-апреле 1917 года*

Московский историк Ф.А. Гайда, ставший, пожалуй, в современной историографии зачинателем изучения вопроса о судьбе Государственной думы после Февраля 1917 года, пишет в своей статье 1998 года: «Положение Государственной думы после Февральской революции обычно не затрагивается в исследованиях, хотя вряд ли можно отрицать, что вопрос ее статуса и политической эволюции на протяжении 1917 г. — важная составляющая часть глобальной проблемы: парламентаризм и русская революция»¹. Соглашаясь со второй частью суждения относительно проблемы «парламентаризм и русская революция», заметим, что вопрос о судьбе Государственной думы после Февральской революции 1917 года интересовал ученых, начиная с первых шагов советской исторической науки. Конечно же, он не был среди центральных тем советской историографии, но некоторое внимание уделялось и ему.

Определенный интерес для понимания историографии темы имеют публицистические работы В.И. Ленина и И.В. Сталина. Дело в том, что советские историки, по мере усиления партийного диктата в науке, были вынуждены опираться в своих построениях на статьи Ленина и Сталина, которые, постепенно утрачивая свой публицистический характер, приобретали значение методологических трудов. В связи с этим вполне определенный интерес представляет тот факт, что Сталин в статье «Победа контрреволюции» поставил вопрос о судьбе Государственной думы

после Февральской революции. Он писал об «упраздненной (революцией — А.Н.) Государственной думе»². Ленин же на судьбу Государственной думы внимания в своих работах не обратил. Правда, он называл Родзянко «бывшим председателем бывшей Государственной думы»³. Вместе с тем вплоть до конца 1930-х гг. в советской исторической науке существовала относительная свобода в изложении тех или иных сюжетов, так как общеобязательная концепция истории еще только формировалась. Так, например, Я.В. Старосельский считал, что Временное правительство в первые дни своего функционирования пыталось использовать Государственную думу в целях обеспечения юридической преемственности власти. Он утверждал, что в конце первой декады марта 1917 г. Временное правительство от этой идеи отказалось, но Государственная дума упразднена им не была⁴. Автор не смог дать полноценного объяснения этому факту. Но подчеркнем то, что Старосельский не следовал сталинскому тезису об «упразднении Государственной думы».

Как известно, с выходом 1-го тома «Истории гражданской войны в СССР», а затем и «Краткого курса «Истории ВКП (б)» в СССР установилась общеобязательная концепция истории, в рамках которой и должны были создаваться свои труды советские историки. В «Истории гражданской войны» о Государственной думе в первые месяцы после Февральской революции — март-апрель 1917 г. — есть одно упоминание в главе «Коалиционное правительство за работой»: «Восстановили деятельность Государственной думы под видом «частных совещаний»»⁵. В «Кратком курсе» о Государственной думе в послефевральский период нет ни одного упоминания. В связи с этим можно предположить, что историки, творившие в этот период, чутко реагируя на содержание «Краткого курса», избегали вообще поднимать в своих трудах вопрос о судьбе Государственной думы после Февраля 1917 года. Он вернулся на страницы исторических исследователей только после разоблачения культа личности Сталина.

Относительно вопроса о судьбе Государственной думы в советской историографии второй половины 1950-х — первой половины 1980-х гг. консенсуса не сложилось. Некоторые историки считали, что Государственная дума после Февральской революции сошла с политической арены. Э.Н. Бурджалов писал, что после создания Временного правительства Комитету Думы «пришлось отойти в сторону». Автор признавал наличие у некоторых депутатов представления о сохранении за ВКГД прав источника власти Временного правительства, на основе которого они хотели сохранить за Временным комитетом Думы «контрольные или законодательные функции». Но тут же Бурджалов разъяснял: «Думский Комитет не был источником власти нового правительства хотя бы потому, что он сам по сути дела ею не обладал»⁶. В.И. Старцев доказывал, что на первом же самостоятельном (без участия ВКГД) заседании Временное правительство придало себе диктаторский характер и тем самым решило вопрос о судьбе Думе⁷.

Ф.И. Калининцев отметил, что после указа о роспуске на каникулы «Дума не собиралась». Но тут же он добавил, что «и формально, и фактически Государственная дума как политическое учреждение продолжала существовать и оказывать влияние

на развитие событий в политической жизни страны»⁸. С.С. Иванов и Е.А. Скрипилев подчеркивали, что IV Государственная дума и ее Временный комитет «признавались буржуазией высшими органами государственной власти в стране, призванными формировать общественное мнение, давать указание о порядке осуществления государственного контроля, назначать и смещать министров и т.д.»⁹. Д.В. Ознобишин был сторонником тезиса о сохранении за ВКГД и после образования Временного правительства функций верховной и опоры исполнительной власти¹⁰. Схожие взгляды отстаивал И.И. Минц, который считал, что Временный комитет Думы продолжал оставаться источником власти Временного правительства¹¹.

В современной исторической литературе вопрос о судьбе Государственной думы изучается весьма активно. Наибольший интерес проявил к нему московский историк Ф.А. Гайда. Он, в частности, считает, что Дума потеряла право участия во власти Временного правительства, согласно акту великого князя Михаила Александровича от 3 марта 1917 г.¹² Таких же взглядов придерживается М.М. Сафонов. Рассматривая значение акта от 3 марта, он пишет, что великий князь Михаил Александрович, «передав всю полноту власти Временному правительству, <...> уничтожил Государственную думу и Государственный совет»¹³. Н.В. Белошапка в своей монографии следует суждению В.И. Старцева об «отмене» Государственной думы на первом самостоятельном заседании Временного правительства¹⁴. А.Ф. Смирнов, Н.Н. Смирнов и другие исследователи также придерживаются точки зрения о «гибели» Думы после Февраля 1917 г. и считают главным виновником этого Временное правительство¹⁵. О присоединении к этой позиции заявляет в своей статье Г.Л. Соболев¹⁶. С.В. Холяев замечает, что Государственная дума, «как реальный политический институт <...> перестала играть роль сразу же после Февраля»¹⁷. А. Макушин пишет: «Третьеиюньская дума слишком сильно искажала реальную расстановку социально-политических сил в стране, поэтому триумфаторы первых революционных дней, кадеты, спешили от нее избавиться, помня о том, какие унижения им довелось перенести в ней после триумфа в Первой думе»¹⁸. Идея о «бесславном конце» IV Государственной думы проводится в некоторых историко-правовых исследованиях¹⁹. В этих работах зачастую содержатся ошибочные сведения. Так, Ю.А. Дмитриев и Е.Ю. Черкашин утверждают, что после образования Временного правительства Временный комитет Государственной думы «фактически прекратил свое существование»²⁰. Вместе с тем в некоторых работах, написанных юристами, содержатся весьма ценные замечания, имеющие непосредственное отношение к вопросу о судьбе Думы. Так, Н.В. Онишко пишет, что и после создания Временного правительства «в течение 1917 г. были надежды на созыв Думы»²¹. Таким образом, можно утверждать, что в современной отечественной историографии преобладают взгляды, согласно которым права Государственной думы как источника власти Временного правительства отвергаются полностью или подвергаются сомнению, а сама она фактически сошла с политической арены.

Можно было бы и не возвращаться вновь к этому вопросу, тем более, что он весьма подробно изучен нами²². Но и в новейшее время судьба Государственной

думы после Февральской революции продолжает вызывать интерес исследователей, приводит к появлению все новых и новых суждений, вступающих в противоречие с высказанными ранее. Это и заставляет вновь изложить свои взгляды по поводу судьбы Государственной думы.

В дни Февральской революции властные функции Государственной думы претерпели существенные изменения. Дума, в лице ее Временного комитета, получила права верховной власти уже в момент отстранения царского правительства. Оно сопровождалось арестами министров и назначением комиссаров в министерства и другие государственные учреждения. В результате этого сложилась такая комбинация, при которой ВКГД являлся одновременно органом верховной, законодательной, исполнительной и судебной власти. Это наше суждение подверг критике Ф.А. Гайда, который пишет: «<...> верховная власть принадлежала императору и законодательным палатам; в этот период она еще не была устранена революцией. ВКГД, таким образом, временно сменил прекративший существование Совет министров, высший административно-распорядительный орган власти Российской империи. Временному комитету не принадлежала даже законодательная власть, поскольку по своему статусу (не суть важно, что деятельность его вышла за рамки законности) он не мог быть выше Совета старейшин Думы»²³. В свою очередь, С.В. Редких признает наличие правовых актов, «посредством которых Временное правительство было наделено полномочиями», но называет их сомнительными. Разрешение этой коллизии он видит, насколько можно понять из его статьи, не в признании законодательных полномочий ВКГД, а в отмене Временным правительством ст. 87-й ОГЗ²⁴. На наш взгляд, это суждение, по меньшей мере, кажется странным, так как никаким решением Временное правительство уже не могло изменить законодательной основы своего создания. В другой работе Редких пишет, что думский Комитет обладал узким кругом полномочий и законодательной деятельностью не занимался²⁵.

В связи с этим обратим внимание на то, что устранение/смена Совета министров думским Комитетом свидетельствовало в пользу того, что он (ВКГД) действовал именно на праве верховной власти, ибо формирование правительства, назначение и увольнение председателя Совета министров, министров и главноуправляющих относилось к прерогативе монарха (ст. 17 Основных государственных законов). Конечно, думский Комитет в дни Февральской революции не имел возможности провести процедуру назначения и увольнения царских министров — они были им частью арестованы, частью отстранены от должности, а их функции выполняли комиссары ВКГД. Т.е. в ночь с 27 на 28 февраля, когда прошли первые назначения комиссаров, да и в последующие дни, вплоть до создания Временного правительства, верховная власть думского Комитета была ограничена фактом формально еще существовавшей верховной власти императора Николая II.

Относительно наличия/отсутствия законодательной власти у думского Комитета можно сделать вывод лишь на основе анализа документов, исходящих из его недр. В дни Февральской революции законодательные функции Государственной думы и Государственного совета были прерваны указом Николая II, отправившим обе

палаты Российского парламента на каникулы. Поэтому издавать законы в рамках существовавших Основных законов, законодательства о Государственной думе и Государственном совете было, на первый взгляд, невозможно. Вместе с тем ВКГД, не отменив (не признав отпавшими) Основные государственные законы, издавал сообщения и постановления, в которых четко прослеживается воля органа, обладающего верховной властью. По содержанию их можно приравнять к манифестам и отнести к законодательным документам. Эта коллизия может быть разрешена путем признания того факта, что думский Комитет законодательствовал на праве революции. Именно поэтому законодательные акты ВКГД, с одной стороны, нельзя приравнять к документам законодательства царской России, а с другой, их необходимо признать первыми документами революционного законодательства и включить в разновидность законодательных документов.

Напомним, что долгое время, вплоть до начала функционирования Государственной думы и Государственного совета как двух палат Российского парламента, исследователи относили к законодательным актам то, что «было отобрано в качестве законодательных актов составителями Полного собрания законов Российской империи»²⁶. В дни Февральской революции Российский парламент в полном объеме не функционировал. Поэтому ориентиром для историков вновь стала позиция юристов в вопросе об отборе среди источников революционной эпохи актов законодательства. Как пишет Е.А. Скрипилев, Юридическое совещание «при рассмотрении вопроса о необходимости опубликования актов, приведших к образованию нового государственного строя, рекомендовало Временному правительству обнародовать: 1) постановление частного совещания членов Государственной думы 27 февраля об избрании Временного комитета и о поручении Совету старейшин назначить членов этого комитета; 2) постановление Совета старейшин о составе Временного комитета; 3) объявление Временного комитета от 27 февраля о принятии им на себя «восстановление порядка»; 4) сообщение Временного комитета членов Государственной думы от 3 марта об образовании Временного правительства и о его составе»²⁷. Среди указанных документов только два последних относились непосредственно к думскому Комитету. Они были опубликованы 5 марта 1917 года в «Вестнике Временного правительства», чем подтверждался их законодательный характер. Современные же юристы, проведя изучение вопроса, поместили законодательные документы ВКГД в 9-й том «Российского законодательства». Среди них: объявление ВКГД о принятии им на себя «восстановление государственного и общественного порядка» (27 февраля 1917 г.), постановление ВКГД о назначении комиссаров в министерства и государственные учреждения (28 февраля 1917 г.), сообщение ВКГД о составе нового правительства (2 марта 1917 г.)²⁸. Как видим, современные юристы, в отличие от членов Юридического совещания, дополнительно включили в число законодательных документов думского Комитета его постановление о назначении комиссаров. Причиной тому, думается, было опубликование этого постановления 5 марта 1917 г. в «Вестнике Временного правительства».

На наш взгляд, к законодательным документам относится также Постановление

ВКГД от 2 марта 1917 г. о создании продовольственной комиссии «для общего руководства продовольственным делом государства» и губернских продовольственных комитетов. Оно было опубликовано в «Известиях КПЖ» за подписью председателя ВКГД М.В. Родзянко, которая шла первой. Подчеркнем, что Постановление отчасти выступило продуктом совместного творчества ВКГД и советско-думской Продовольственной комиссии, о чем говорили подписи руководящих ее деятелей под этим документом²⁹. Кстати, все документы ВКГД, носящие законодательный характер, подписаны М.В. Родзянко как председателем Государственной думы, кроме Постановления думского Комитета о создании Продовольственной комиссии, которое он подписал как председатель ВКГД. По нашим подсчетам, думский Комитет успел, начиная с 27 февраля (точнее — с ночи на 28 февраля) до 2 марта включительно, издать четыре законодательных акта. Это, несомненно, опровергает доводы Ф.А. Гайды и С.В. Редких об отсутствии у ВКГД законодательной власти.

Спрашивается, откуда у Временного комитета Государственной думы оказались в руках столь широкие полномочия, власть верховная, законодательная и пр., пусть и обремененная ограничениями? Ф.А. Гайда по этому поводу пишет, ссылаясь на нашу монографию «Государственная дума в Февральской революции» (с. 30—31): «Его полномочия изначально базировались якобы (выделено нами — А.Н.) на волеизъявлении частного совещания членов Государственной думы, которое предоставило Комитету неограниченное право деятельности от имени Думы». Отказываясь принимать как достоверный исторический факт это «волеизъявление», Гайда подчеркивает свое неприятие его частицей «якобы». Но, понимая, что этого недостаточно для внесения элемента сомнения, он замечает: «Протокол решения частного совещания, принявшего, по мнению Николаева, судьбоносное для Государственной думы решение, отсутствует»³⁰. Гайда пишет о протоколе частного совещания, который изучен³¹, опубликован как в России³², так и за рубежом³³, в котором, действительно, этого решения нет. Но кроме протокола частного совещания Гайде должен быть известен документ, который О.А. Шашкова издала по черновику под названием «Протокол событий» Февральской революции³⁴. Недавно этот документ был опубликован, но уже по ксерокопии подлинника³⁵, в котором, как и в черновике, присутствует текст о придании думскому Комитету неограниченных полномочий: «Член Думы [В.М.] Вершинин предложил, чтобы члены Государственной думы все без различия партий дали обещание поддерживать и оказывать содействие Временному комитету Государственной думы во всех тех его действиях, которые ему придется предпринять в будущем. Это предложение было принято единогласно, после чего частное совещание было закрыто»³⁶. Кстати, А.Ф. Керенский позднее утверждал, что было «принято решение создать Временный комитет с неограниченными полномочиями»³⁷. И еще: именно ВКГД получил эти полномочия, а не Совет старейшин, поэтому замечание Гайды относительно того, что по своему статусу думский Комитет не мог быть выше Совета старейшин, ошибочно. Иначе говоря, все сомнения относительно волеизъявления частного совещания, которое предоставило думскому Комитету фактически неограниченные полномочия, должны быть отброшены.

Далее необходимо прояснить ряд моментов, что позволит составить наиболее полное представление о временной власти ВКГД, ее дальнейшей эволюции, о судьбе как самого думского Комитета, так и Государственной думы. Среди них: 1) какое место в новой конструкции власти предусматривал для себя Временный комитет Думы; 2) собирался ли ВКГД восстанавливать полностью парламентские функции Государственной думы; 3) насколько далеко готово было пойти Временное правительство в своей поддержке предположений руководящего состава Временного комитета; 4) какие планы были у Временного правительства относительно судьбы Государственной думы и ее органов?

На заседании думского Комитета в ночь с 1 на 2 марта было принято постановление образовать Временный общественный совет министров³⁸. 2 марта М.В. Родзянко в телеграмме Николаю II сообщал, что «в настоящее время власть будет передана Временным комитетом Государственной думы Временному правительству»; 3 марта Родзянко в переговорах с генералом М.В. Алексеевым говорил о том, что новое правительство уже «нами», т.е. ВКГД, назначено, сформировано³⁹. В официальном сообщении «От Временного правительства» указывалось, что «Временный комитет Гос[ударственной] думы назначает министрами <...> следующих лиц <...>»⁴⁰. Для нас важно указание на факт назначения нового правительства, что, конечно, говорило об узурпации верховной власти думским Комитетом. В объявлении ВКГД указывалось, что состав Временного правительства «установлен после переговоров» ВКГД и Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов⁴¹. Факт согласования вопроса о новом правительстве с Исполкомом Петроградского Совета, конечно же, говорил о том, что Совет рабочих и солдатских депутатов превратился во второй источник власти. Это являлось продолжением и развитием думско-советского сотрудничества, проводимого начиная с 27 февраля 1917 г.

Остается выяснить вопрос, какая формула была реализована при создании Временного правительства? Формула «ответственного» министерства или «кабинета общественного доверия»? В.И. Старцев пишет, что Временное правительство «не было «ответственным правительством», поскольку еще не было парламента, Государственная дума уже повисла в воздухе, а вопрос о монархии не был решен». Старцев обращает внимание на то, что формула «общественного кабинета» содержалась в декларации Временного правительства от 3 марта⁴². Кстати, в приветственных телеграммах, которые шли в адрес Государственной думы, Временное правительство рассматривалось как «первый кабинет общественного доверия»⁴³. Обратим внимание и на то, что текст преамбулы и сама декларация также включали в себя элементы, говорящие о важном месте Государственной думы в конструкции власти. В частности, первой под декларацией шла подпись председателя Государственной думы М.В. Родзянко⁴⁴. Заметим, что подписи председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Н.С. Чхеидзе под декларацией не стоит. Несомненно, это говорит о том, что Петроградский Совет, имевший де-факто права источника власти Временного правительства, де-юре самоустранился от исполнения этой роли. Это позволяет утверждать, что в момент создания этого

документа у Временного правительства остался только один источник власти — Государственная дума. Конечно, это не исключало того, что Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов смог бы позднее затребовать восстановления своих прав!

Позиции Государственной думы значительно усилились с момента появления Манифеста об отречении Николая II. Он устанавливал парламентский строй, реальную конституционную монархию, заповедуя великому князю Михаилу Александровичу «править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены»⁴⁵. Эта фраза была вставлена в текст манифеста об отречении Николая II по просьбе А.И. Гучкова и В.В. Шульгина. О.Н. Знаменский считал, что тем самым они выступили сторонниками придания Государственной думе учредительных функций⁴⁶. Указом Правительствующему Сенату император назначил председателем Совета министров князя Г.Е. Львова⁴⁷.

Утверждение в России принципа «парламентского строя» и назначение Николаем II председателя Совета министров вполне, на первый взгляд, устраивало председателя Государственной думы М.В. Родзянко. Но придание Государственной думе функций Конституанты должно было вызвать с его стороны резкий протест. Дело в том, что это могло нанести удар по только что сформировавшемуся Временному правительству, так как оно должно было прекратить свое существование. Точно так же прекратила бы свое существование и Государственная дума, выполнив учредительные функции. В таком повороте не был заинтересован ни Родзянко, ни министры Временного правительства, ни тогдашние руководители советской демократии. Первые (Родзянко и министры) не рассчитывали так быстро отдать власть в другие руки, а вторые (лидеры Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов) не хотели так быстро брать власть в свои руки, к чему неизбежно должна была привести учредительная деятельность Государственной думы на фоне продолжающегося «левения» страны. По этой же причине М.В. Родзянко, по словам В.М. Вершинина, выступил резким противником созыва Учредительного собрания⁴⁸. Но, видимо, речь шла только о сроках созыва. Родзянко был вынужден в ходе переговоров с представителями Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов согласиться на созыв Учредительного собрания не ранее, чем через полгода. Об этом он сообщил рано утром генералу М.В. Алексееву⁴⁹. Но уже через два часа Родзянко в разговоре с Рузским дал понять, что лучше отложить созыв Учредительного собрания до окончания войны⁵⁰. Иначе говоря, Родзянко не был заинтересован ни в реализации манифеста Николая II, ни в скором созыве Учредительного собрания.

В связи с поисками М.В. Родзянко места думскому Комитету в новой комбинации власти приведем слова Гайды из его монографии 2003 года. Он пишет, что Родзянко «на протяжении марта <...> неоднократно подчеркивал в беседах с генералами, что Временный комитет сохраняет контроль за правительством, и почему-то упорно именовал Комитет «Верховным советом»»⁵¹. Видимо, при написании своей работы Гайда не был еще знаком с монографией «Государственная дума в

Февральской революции», в которой этот вопрос изучен⁵². Итак, почему Родзянко называл думский Комитет Верховным советом?

Опираясь же на принцип «парламентского строя», М.В. Родзянко мог (и предполагал) сохранить в новой комбинации власти Временный комитет Государственной думы как верховную власть. В переговорах 3 марта с генералами М.В. Алексеевым (с 6 часов до 6 часов 46 мин. утра) и Н.В. Рузским (в 8 часов 45 мин. утра) он обмолвился о роли ВКГД в системе власти, которая исключала воцарение великого князя Михаила Александровича. Алексееву Родзянко сообщал следующее: «...предполагается необходимым созыв Учредительного собрания, а до тех пор действие Верховного комитета и Совета министров, уже нами обнародованного и назначенного, при одновременном действии двух законодательных палат»⁵³. Верховный комитет — это, несомненно, переименованный Временный комитет Государственной думы, наделенный полномочиями верховной власти. Именно так понял эту комбинацию власти М.В. Алексеев и сообщил о ней командующим фронтам⁵⁴.

В переговорах по прямому проводу Родзянко проинформировал Рузского: «Все остается в таком виде: Верховный совет, ответственное министерство и действия законодательных палат до разрешения вопроса о конституции Учредительным собранием». Н.В. Рузский попросил уточнить: «Скажите, кто во главе Верховного совета [?] М.В. Родзянко поспешил ответить: «Я ошибся: не Верховный совет, а Временный комитет Государственной думы под моим председательством»⁵⁵. В ходе переговоров Родзянко дал ясно понять Рузскому, что воцарения Михаила не будет. При этом разговоре присутствовал Г.Е. Львов, который не проявил какого-либо недовольства данной комбинацией власти. Трудно поверить, что Родзянко в этот день несколько раз ошибался, внося в название думского Комитета понятие верховный. Возможно, что он размышлял над тем, как назвать ВКГД в новой конструкции власти — Верховный комитет или Верховный совет? Но даже при сохранении старого названия существенную роль играет факт предполагаемого сохранения ВКГД в механизме Временной власти до Учредительного собрания при одновременном действии двух законодательных палат (Государственной думы и Государственного совета) и ответственного министерства.

Какие функции, полномочия собирался Родзянко придать ВКГД? А.И. Ксюнин утверждал, что в лице Верховного совета, на создании которого настаивал председатель Государственной думы, «явилось бы возглавление власти и было бы кому сменять оказавшихся не на месте членов временного правительства»⁵⁶. Иначе говоря, речь шла о превращении ВКГД в регентский совет. Такой же точки зрения придерживается и Г.М. Катков⁵⁷. В.И. Старцев заметил, что Родзянко «прочил себя чуть ли не в президенты»⁵⁸. Кстати, некоторые современники тоже говорили о повышении статуса Родзянко. Д. Ершов (в 1917 г. — безработный переплетчик) вспоминал в 1922 г., что после 3 часов дня 27 февраля на углу Каменноостровского и Большого проспектов (Петроградская сторона) собралась толпа народа, в которой говорили «кому что вздумается: “Собравшаяся Гос[ударственная] дума объявила Республику. Президентом избран Родзянко”»⁵⁹. Монах

Нестор 5 марта 1917 г. написал ряд записок, среди них — «Какое должно быть в России правление». В ней Нестор заявлял: «<...> верховный председатель Думы есть всероссийский император, который только имеет власть как председатель»⁶⁰. Все эти слухи и предположения базировались на огромной популярности Родзянко в дни революции среди солдат⁶¹, рабочих и служащих⁶², что, кстати, не замечают или ставят под сомнение его биографы⁶³. Родзянко старательно поддерживал ее, используя доступные ему средства, в том числе и прессу⁶⁴. По свидетельству современников, председатель Государственной думы вел себя как высшее лицо в государстве (или им так это представлялось!)⁶⁵.

Во всяком случае, можно утверждать, что Родзянко мечтал о сохранении за Комитетом Думы верховной власти⁶⁶. Косвенным подтверждением этому служат мероприятия, которые он провел по организации аппарата Временного комитета Думы. 2 марта М.В. Родзянко предпринял шаги по созданию Управления делами ВКГД⁶⁷. Укажем, что создание Управления делами было бы оправдано в первые дни осуществления властных функций со стороны думского Комитета (28 февраля — 1 марта), а не в тот момент, когда было уже создано Временное правительство, которое через день-два должно было взять власть в свои руки. Организовывая аппарат думского Комитета, Родзянко, несомненно, предполагал его использовать по назначению, т.е. для реализации каких-то властных думских полномочий.

Исследователи вопроса не обращают внимание и на то, что эта конструкция власти, предполагавшая верховенство ВКГД, не вызвала никаких возражений М.В. Алексеева. Так, 3 марта генерал-адъютант Алексеев послал телеграмму, направленную против «вредной двойственности власти» на имя председателя ВКГД, председателя Совета министров и Военного министра⁶⁸. Подчеркнем, что первым адресатом в телеграмме был указан именно председатель ВКГД. Это, на наш взгляд, подтверждает факт принятия Алексеевым той конструкции власти, в основе которой лежало признание прав верховенства за Временным комитетом Думы.

Историки также замолчали тот факт, что эта схема власти не являлась только плодом личных интриг и мечтаний Родзянко, а была достигнута в результате какого-то соглашения. М.В. Алексеев днем 3 марта был уверен, что это соглашение состоялось на переговорах думских деятелей с Исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который пошел на него, не желая воцарения великого князя Михаила Александровича⁶⁹. Но ни в протоколах Петроградского Совета⁷⁰, ни в воспоминаниях современников⁷¹, ни в исследовательской литературе⁷² о заключении такого соглашения между думским Комитетом и делегацией Исполкома Петроградского Совета каких-либо упоминаний не обнаружено.

Естественно предположить, что соглашение было заключено после получения известий об отречении Николая II в пользу великого князя Михаила Александровича⁷³. Но А.Ф. Керенский вспоминал, что вплоть до утра 3 марта Временное правительство так и не решило вопрос о воцарении Михаила и «по общему согласию заседание было временно отложено»⁷⁴. В Военное министерство были направлены М.В. Родзянко и Г.Е. Львов с целью получить точный текст манифеста, чтобы «выяснить возможность его изменения»⁷⁵. Подчеркнем, что главе

Временного правительства Г.Е. Львова конструкция власти, вводившая верховенство ВКГД, была известна.

Ранее мы высказывали предположение, что соглашение по поводу осуществления именно такой конструкции власти было заключено между князем Г.Е. Львовым и М.В. Родзянко⁷⁶. Несомненно, что одним Г.Е. Львовым дело не ограничивалось — участниками соглашения были и другие члены Временного правительства. В связи с этим некоторый интерес представляет газетная заметка с рассказом Н.В. Некрасова, которая впервые введена в научный оборот⁷⁷. Выступая в Киеве 14 мая 1917 г. в кафе «Максим» перед членами партии народной свободы, Некрасов сообщил, что в ночь с 2 на 3 марта, «когда уже было достигнуто соглашение», возник конфликт — «на одно и то же место в кабинете заявлено было два ультимативных требования». И далее Некрасов, не называя лиц, выдвинувших эти требования, вспоминал: «Примирения добиться нельзя было. Наша основная мысль тогда была, как сохранить преемственность власти. В ту минуту, когда уже были созданы знатоки государственного права для того, чтобы обдумать, как сохранить преемственность власти в форме личной диктатуры, в форме представления всей полноты власти в руки одного человека, обе спорящие стороны поняли всю лежащую на них ответственность и свершилось чудо. Помню ту радость, с какой товарищ Керенский мчался по квартире князя Львова, чтобы сообщить нам весть о достигнутом соглашении»⁷⁸. На первый взгляд может показаться, что речь идет о споре за один из министерских портфелей. Но борьба за любой из портфелей министров не могла разрушить преемственность власти, так как она опиралась на факт назначения императором Николаем II председателем Советом министров князя Г.Е. Львова. Иначе говоря, можно уверенно предположить, что Н.В. Некрасов рассказал киевским кадетам о борьбе именно за должность председателя Совета министров, которая развернулась между М.В. Родзянко и Г.Е. Львовым. Видимо, именно тогда на квартире князя Г.Е. Львова (и в его присутствии) А.Ф. Керенским была предложена М.В. Родзянко такая конструкция власти, которая вполне устраивала председателя думского Комитета. Керенский, как видно из рассказа Некрасова, сообщил ему и другим членам Временного правительства о состоявшемся соглашении. Благодаря этому рассказу становится понятно, почему на переговорах по прямому проводу М.В. Родзянко с Н.В. Рузским присутствовал кн. Г.Е. Львов — он-то и должен был в случае необходимости подтвердить Рузскому сказанное Родзянко.

Что мог предложить председатель ВКГД М.В. Родзянко в обмен на согласие поддержать его комбинацию власти Временному правительству? Только стать партнером лиц, заинтересованных в том, чтобы великий князь Михаил Романов отказался от взятия верховной власти в свои руки. И действительно, М.В. Родзянко вел себя активно, добиваясь этого от великого князя Михаила⁷⁹.

В акте Михаил Александрович отказывался от власти в пользу Учредительного собрания. Здесь же содержалась просьба к гражданам России, подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы «возникшему и облеченному всей полнотой власти»⁸⁰.

Считается, что этот акт уничтожил «парламентский строй», введенный отречением Николая II⁸¹, и создал полновластное Временное правительство⁸². Ф.А. Гайда по этому поводу пишет: «Акт 3 марта <...> по мнению либералов прояснял пути разрешения основных политико-правовых противоречий, сложившихся в результате переворота. Прежде всего это были неопределенность формы правления, объема власти правительства и положения Государственной думы». Каким образом, по мнению Гайды, разрешились эти противоречия? Акт 3 марта уничтожил думский источник власти Временного правительства, да и советский тоже (!), тем самым «предоставлял правительству декларативную свободу от посягательств справа (со стороны ВКГД) и слева (со стороны Совета)». По утверждению Гайды, акт Михаила создал новое качество Временного правительства, ставшим «революционным “министерством доверия”, которое не было ответственно перед каким-либо политическим институтом»⁸³.

Но ничего этого благодаря акту Михаила не произошло. В этом документе Михаил не принял верховную власть, и поэтому не мог ее никому передать⁸⁴, не мог ничего уничтожить или создать⁸⁵. С.В. Редких, споря с нами, пишет: «А.Б. Николаев высказал мнение, согласно которому великий князь Михаил Александрович Романов актом об отказе в восприятии верховной власти не мог передать власть Временному правительству в связи с тем, что сам ее не принял»⁸⁶. Доказывая якобы ошибочность этого утверждения, он пишет: «Комплексный анализ ст. 27, 37, 38 и 53 Свода основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г. <...> позволяет заключить, что власть законно перешла к великому князю Михаилу Александровичу с момента отречения императора Николая Александровича от престола. <...> Расширительное толкование ст. 53 Свода основных государственных законов позволяет установить момент перехода власти, которым являлся не момент издания Манифеста о восшествии на престол, а момент прекращения власти предшествующего императора»⁸⁷. Судя по этому тексту, автор не понял утверждения. Речь идет не о моменте перехода власти, а о документе, в котором великий князь ясно и точно указал, что он отказывается воспринять верховную власть! Т.е. здесь речь идет о личной позиции, о проявлении личной воли великого князя Михаила, пусть и ограниченной угрозами расправиться с императорской фамилией, которые сыпались из уст уговаривающих его отказаться от взятия верховной власти в свои руки, подкрепленные фактами жестоких расправ над людьми ему известными⁸⁸. В связи с этим приведем воспоминания В.В. Шульгина, принимавшего участие в организации отказа Михаила от верховной власти: «Наконец составили и передали великому князю. В это время в детской оставались Набоков, Нольде и я. Через некоторое время секретарь великого князя⁸⁹ <...> принес текст обратно. Он передал, что великий князь всюду просит употреблять от его лица местоимение «я», а не «мы» (у нас всюду было «мы»), потому что великий князь считает, что он Престола не принял, Императором не был, а потому не должен говорить — «мы». Во-вторых, по этой же причине, вместо слова «повелеваем», как мы написали, — употребить слово «прошу». <...> Все эти указания были выполнены, и текст переделан. Снова передали великому князю, и на этот

раз он его одобрил»⁹⁰. Подписав акт, великий князь Михаил «вручил его М.В. Родзянко»⁹¹.

Можно утверждать, что акт Михаила лишь консервировал ситуацию, порожденную манифестом Николая II, который даровал России «парламентский строй». Вместе с тем он оставлял возможность великому князю Михаилу Александровичу принять верховную власть из рук Учредительного собрания, а также исключал возможность занятия престола следующим претендентом — великим князем Кириллом, который, судя по всему, имел такие планы или они были у его окружения. Заметим, что 1 марта 1917 г. он, прицепив на левую сторону груди громадный красный бант, привел Морской гвардейский экипаж в Государственную думу, что было воспринято некоторыми современниками как попытка «разыграть будущего царя-революционера»⁹². Несомненно, что по ОГЭ великий князь Кирилл мог занять престол, но на стороне личной позиции Михаила о том, что престол теперь может вручить только Учредительное собрание, стояло и Временное правительство, и Государственная дума! Т.е. опять в дело пошло революционное право, основанное на революционном насилии. Точно так же, как принудили отречься от престола Николая II и отказаться от восприятия верховной власти великого князя Михаила, могли пресечь и попытки великого князя Кирилла занять престол.

Кажется даже, что шансы Родзянко и ВКГД в этот момент еще более возросли. Михаил, не восприняв верховную власть и создав при помощи Временного правительства и Государственной думы непреодолимое тогда препятствие для занятия престола Кириллом, давал возможность Временному комитету Государственной думы взять ее в свои руки. ВКГД донес бы бремя верховной власти до Учредительного собрания. По словам В.Н. Львова, после акта Михаила «вся страна <...> не понимала, кому Верховная власть принадлежит, не то Родзянко, не то Государственной думе, не то Временному правительству, не то Совету рабочих и солдатских депутатов <...> кому же, наконец?»⁹³. Иначе говоря, акт Михаила не снял остроты противоречий в вопросе о власти. Правда, одновременно с этим он создавал условия для различных сил решить его в свою пользу, в частности, для лидеров партии конституционных демократов в плане создания безответственного правительства. Вместе с тем заслуги Государственной думы в лице ее органов в дни Февральской революции давали возможность разрешить этот вопрос и в прудумском направлении.

То, что акт Михаила ничего нового не создал и ничего не разрушил, свидетельствовало и первое заседание Временного правительства. В.И. Старцев считал, что важнейшим шагом, определившим судьбу Государственной думы, стало первое самостоятельное заседание Временного правительства. Журнал этого заседания, ранее обнаруженный и опубликованный В.Н. Сторожевым⁹⁴, привлек внимание В.И. Старцева и был им использован для доказательства диктаторского характера Временного правительства⁹⁵. Судя по датировке «журнала», это заседание Временного правительства проходило 2 марта. В частности, на нем обсуждался вопрос «о взаимоотношениях Временного правительства к Временному комитету Государственной думы». Участники заседания высказались в том смысле, что «вся

полнота власти, принадлежащая монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству, что таким образом возникает вопрос о дальнейшем существовании Комитета Государственной думы, а также представляется весьма сомнительной возможность возобновления занятий Государственной думы IV созыва».

Также в «журнале» отмечалось, что «нет оснований полагать, что Временное правительство во время перерывов занятий Государственной думы может издавать меры законодательного характера, применяя порядок, установленный ст. 87 Основных законов, так как после происшедшего государственного переворота основные законы Российского государства должны считаться недействительными и Временному правительству надлежит установить как в области законодательства, так и управления те нормы, которые оно признает соответствующими в данный момент»⁹⁶.

В историографии существует мнение, что Старцев доказал подлинность протокола («журнала») первого заседания Временного правительства⁹⁷. Действительно, Старцев уделил достаточно большое внимание этому документу на страницах своих исследований. Вместе с тем сделаем несколько замечаний источниковедческого характера, которые, возможно, помогут выяснить истинное значение этого документа⁹⁸.

Во-первых, в нем не указаны присутствовавшие на заседании Временного правительства. Согласно тексту «журнала», можно установить участие в работах заседания министра-председателя Г.Е. Львова, министра иностранных дел П.Н. Милюкова, министра финансов М.И. Терещенко, министра юстиции А.Ф. Керенского и морского министра. Воспоминания барона Б.Э. Нольде дополняют список участников заседания. Он писал, что на заседании присутствовали министр земледелия А.И. Шингарев, государственный контролер И.В. Годнев, обер-прокурор Синода В.Н. Львов и министр путей сообщения Н.В. Некрасов⁹⁹. Во-вторых, не указано время работы заседания. В-третьих, не отмечены особые мнения министров при обсуждении способа законодательства. Б.Э. Нольде, например, вспоминал, что в ходе заседания И.В. Годнев и А.И. Шингарев предполагали использовать при законодательной деятельности 87 статью¹⁰⁰. В-четвертых, решения правительства записаны в журнале вне официальной формы.

Особо рассмотрим вопрос о датировке журнала. События, нашедшие отражение в этом документе, не соответствуют указанной дате. В журнале речь идет о событиях 3 марта, а документ датирован 2 марта. Мы выявили три таких несоответствия: 1. Постановление Исполкома Петросовета о судьбе Николая II и членов династии Романовых было принято 3 марта; 2. Товарищ МВД Д.М. Щепкин был назначен 3 марта; 3. Военный и временно морской министр А.И. Гучков мог принимать участие в заседании только после своего возвращения в Петроград, т.е. 3 марта.

Старцев тоже обратил внимание на некоторые несоответствия. Он пришел к следующему выводу: «Заседания правительства носили еще хаотический характер, и, видимо, этот журнал отражает как вопросы, обсужденные 2 марта, так и вопросы, возникшие 3 марта»¹⁰¹. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти.

Но датировать этот «журнал» необходимо именно 3 марта¹⁰². То, что это заседание Временного правительства проходило 3 марта, вспоминал Б.Э. Нольде¹⁰³. Можно даже уточнить, что оно проходило уже после того, как великий князь Михаил подписал акт с отказом от восприятия верховной власти.

Протокол составил Я.В. Глинка, который временно исполнял обязанности управляющего делами Совета министров. Составленный журнал вызвал резкую критику преемника Глинки — В.Д. Набокова, который писал в своих воспоминаниях, что «запись <...> была сделана совершенно неудовлетворительно и даже невразумительно»¹⁰⁴. Биограф Глинки — Б.М. Витенберг — прямо не говорит о том, почему высококвалифицированный чиновник не смог составить журнал заседания Временного правительства по форме. Однако он дает понять, что Глинка не завершил работы над журналом в виду своего несогласия с позицией Временного правительства. Витенберг приводит запись Глинки, относящуюся к этому заседанию Временного правительства: «На первом же заседании Совета м[инистр]ов, на котором мне пришлось присутствовать, меня поразило то, что первым [вопросом] был поставлен вопрос об уничтожении Гос[ударственной] думы, то есть сами вырвали у себя из-под ног фундамент, на который могли опираться»¹⁰⁵. Итак, во-первых, как можно понять из трудов Витенберга, работа над журналом не была завершена, и, во-вторых, по утверждению Набокова, журнал заседания Временного правительства был составлен совершенно неудовлетворительно. Остается неясным, почему Набоков не исправил положение дел, почему он не привел журнал в порядок. Может быть, потому, что никаких вполне определенных решений о судьбе Государственной думы принято не было, а все осталось лишь на уровне рассуждений и предположений? Действительно, далее в этой записи содержится ясное указание на то, что «для выяснения всех этих вопросов Временное правительство постановило образовать при Совете министров особую комиссию»¹⁰⁶.

На основе этого незавершенного журнала В.И. Старцев сделал вывод о том, что в ходе первого заседания «речь шла фактически об установлении неограниченной законом и парламентом диктатуры Временного правительства». Он писал далее: «<...> в первом же столкновении с новой властью, вышедшей из ее недр и «по почину» ее возникшею, Дума потерпела поражение и была немедленно отодвинута на задворки политической жизни»¹⁰⁷. С этим утверждением нельзя полностью согласиться, и де-факто, и де-юре положение как Временного правительства, так и Государственной думы было иным.

Можно ли считать, что Временное правительство отменило Основные законы на своем заседании 3 марта или в последующие дни марта 1917 г.? Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся, в первую очередь, к документу, обнаруженному Е.А. Скрипилевым в архивном фонде Министерства юстиции¹⁰⁸ и озаглавленному «Общие положения». Скрипилев датировал его мартом 1917 г. В «Общих положениях» указывается: «1. По возможности сохранить существующие законы и учреждения впредь до создания новых Учредительным собранием. 2. Из существующих учреждений и законов отменить только те, оставление которых при новом строе безусловно невозможно»¹⁰⁹. Итак, если Основные законы Российской

империи оставить при новом строе было «безусловно невозможно», то должна была быть проведена процедура их отмены. Это, естественно, должно было найти отражение в декларации Временного правительства или других публично-правовых актах. Но в декларации в пункте 4 говорилось лишь о том, что «форму правления и конституцию страны» установит Учредительное собрание¹¹⁰. Об отмене Конституции Российской империи (Основных государственных законов) декларация умалчивала. В других публичных правительственных актах тоже ничего не упоминалось об уничтожении (отмене) Основных законов.

Вместе с тем обратим внимание еще на один документ, обнаруженный Е.А. Скрипиловым. В нем подчеркивается: «Все вообще законодательные акты, легально восприявшие силу, сохраняют свое действие и после установления нового строя государственного управления, буде не признает нужным отменить, дополнить или изменить тот или другой закон»¹¹¹. Этот принцип законодательства Временного правительства, естественно предположить, делил все законодательные акты на легально восприявших силу и легально невосприявших ее. Скрипилов считал, что Основные законы как раз и относились ко вторым, т.е. легально не восприявших силу. При этом он опирался на мнение анонимных «буржуазных идеологов»¹¹², исходивших «из концепции непрерывности права, согласно которой после революции перестали действовать только законы конституционные, т.е. Основные законы в редакции 23 апреля 1906 г.»¹¹³. Правда, и это не снимало вопроса о том, почему Временное правительство в каком-либо публично-правовом акте не указало, что Основные законы легально не восприяли силу в результате Февральской революции.

Если Основные законы считались все-таки недействительными, то вместе с ними автоматически прекращали свое существование и законодательные палаты, так как они лишались юридической основы — главы 10 Основных законов. Эта глава содержит, во-первых, постановления о Государственном совете и Государственной думе, и, во-вторых, важнейшие статьи Учреждения Государственного совета и Государственной думы¹¹⁴. В том случае, если Основные законы действительно были отменены, то все рассуждения о возможности возобновления занятий Государственной думы, содержащиеся в журнале заседания Временного правительства от 3 марта, теряли свой смысл и были излишни. Но, как известно, Государственная дума была распущена только 6 октября 1917 г.¹¹⁵

Сохранение Основных законов не дает абсолютной уверенности в том, что 87-я ст. тоже не была отменена. Отмена ее могла произойти отдельно от Основных законов. Б.Э. Нольде, присутствовавший на заседании правительства 3 марта, утверждал, что он разъяснил министрам ситуацию, которая сложилась благодаря акту великого князя Михаила. В акте вся полнота власти передавалась Временному правительству впредь до созыва Учредительного собрания, поэтому Временное правительство «должно было само, вне всякой 87-й статьи, впредь издавать законы». Нольде вспоминал: «Кажется, в первую минуту всем это показалось весьма неожиданным, но спорить было трудно, и законодательные полномочия Временного правительства были признаны. В хаосе, царившем кругом, появилась какая-то точка опоры для построения новой законности»¹¹⁶.

Следуя утверждению Нольде, получалось, что отмена 87-й ст. произошла уже в ходе первого самостоятельного заседания Временного правительства. Вместе с тем нельзя не привести весьма интересные суждения Я.В. Старосельского, которые относятся к 87-й статье и указывают иную дату ее отмены. Он писал: «<...> первые дни само Временное правительство считало, что оно подчинено Гос[ударственной] думе, называется «Советом министров» и обладает лишь исполнительной властью, так что поднимался даже вопрос об издании законов и вообще принятии спешных мер в порядке знаменитой 87 статьи». Старосельский тут же заметил, что «такое положение аннулировалось под шумок в первые же дни, так что, пожалуй, и прошло незаметно». Доказывая факт отмены 87-й ст., он привел правительственное журнальное Постановление от 10 марта 1917 г. о переименовании Совета министров во Временное правительство¹¹⁷. Вместе с тем В.И. Старцев обращает внимание на то, что «термин «Временное правительство» (выделено курсивом В.И. Старцевым — А.Н.), как название для исполнительной власти впервые использован» в Декларации от 3 марта 1917 г.¹¹⁸ Подчеркнем, что отмена 87-й статьи в законодательных актах Временного правительства начала марта 1917 г. прописана не была.

По поводу 87-й статьи Ф.А. Гайда пишет, что «юридически проблема была решена на правительственном заседании 14 марта, причём не в пользу палат»¹¹⁹. О каком же решении пишет Гайда? 14 марта 1917 г. Временное правительство приняло закрытое постановление¹²⁰, согласно которому все «акты верховного управления, состоявшиеся до 27 февраля 1917 г., должны почитаться законно состоявшимися»¹²¹. Естественно, что они подлежали опубликованию. Но опубликовывать их с указанием на последовавшее на них высочайшее утверждение было политически неоправданно. Временное правительство нашло выход, который состоял в том, что высочайшее утверждение заменялось указанием за подписью министра-председателя «на то, что законное утверждение акта последовало такого-то числа, месяца и года». Признавая все акты верховного управления «законно состоявшимися», а значит и проведенные по ст. 87-й, Временное правительство тем самым признавало и возможность их внесения (не внесения) в Государственную думу в течение двух месяцев со дня открытия очередной сессии, т.е. для первой половины марта несостоятельным оказывается суждение Ф.А. Гайды о том, что «фактически отменным оказалось даже такое право парламента, как утверждение в течение двух месяцев законов, проводимых по 87 статье Основных законов»¹²².

В этом же постановлении был разрешен вопрос с теми актами Верховного управления, последовавшими до 27 февраля, которые были несовместимы «с началами нового государственного строя». Их было решено не обнародовать¹²³. Но в данном случае прямо не говорилось о том, что они считаются утратившими силу, в виду их неутверждения Временным правительством. Речь шла только о неопубликовании актов, не совместимых с новым строем, т.е. они переводились в разряд законов, не вступивших в силу. Более определенного решения по этому вопросу пока вынесено не было. Тем самым это постановление признавало, в частности, акты верховного управления, которые были проведены в порядке ст. 87. Исходя из этого, можно

предположить, что, признавая эти акты законными, Временное правительство признавало и ст. 87. Это позволяет сделать вывод о том, что в первую половину марта 1917 г. эта статья не была уничтожена.

Во второй половине марта 1917 г. Временное правительство вновь обратило свое внимание на ст. 87. На вечернем заседании 16 марта 1917 г. Временное правительство рассмотрело предложение «о преподании указаний относительно внесения в Государственную думу представлений, оправдывающих проведение в порядке статьи 87 Основных государственных законов, узаконения о землевладении и землепользовании австрийских, венгерских и германских выходцев». Правительство постановило передать этот вопрос на заключение Юридического совещания при Временном правительстве¹²⁴.

А.Л. Стародубова пишет по этому вопросу в своей диссертации, посвященной Юридическому совещанию, следующее: «Относительно существования 87 ст. Основных законов было решено, что в связи с изменением государственного строя она «должна считаться отпавшею»¹²⁵. Стародубова не указывает даты отмены 87 ст. Кроме этого, остается не совсем понятно, какой орган принял решение о том, что эта статья Основных законов «должна считаться отпавшею»? Несомненно, что Юридическое совещание такого решения, носящего обязательный характер, принять было не в праве. Совещание лишь принимало постановление о «представлении на усмотрение» Временного правительства своих заключений, и Стародубовой это известно¹²⁶. С.В. Редких указывает, что «Совещание (Юридическое совещание — А.Н.) по результатам правовой экспертизы признало ст. 87 Основных законов не подлежащей дальнейшему применению»¹²⁷. Дату принятия этого решения он тоже не указывает. В свою очередь, Ф.А. Гайда уверенно заявляет о том, что статья 87 «была отменена за ненадобностью» Временным правительством¹²⁸. Однако и он, во-первых, не указывает точной даты принятия этого решения, во-вторых, дает ссылку на документ, хранящийся в фонде Юридического совещания¹²⁹.

Излагая содержание этого постановления, Стародубова замечает: «<...> все постановления, утвержденные в порядке ст. 87, если к 27 февраля 1917 г. не прошло двух месяцев, должны были считаться действующими до их отмены Временным правительством»¹³⁰. Гайда тоже приводит эту часть постановления: «Правительство приняло решение, в соответствии с которым все постановления, утвержденные до 27 февраля на основании статьи 87 Основных государственных законов, но не внесенные за истечением двухмесячного срока в законодательные учреждения, считались действующими до их отмены Временным правительством без представления в законодательные учреждения»¹³¹. В более ранней работе Гайда замечает: «<...> но законопроекты, проведенные по ней до переворота, утвержденны не были, хотя не отменялись автоматически, а только по решению нового правительства»¹³². Однако это разъяснение только запутывает вопрос. В частности, Гайда не дает хронологической привязки данного разрешения вопроса о ст. 87-й. По крайней мере, такая интерпретация в полной мере не относится к марту 1917 г.

В изложении содержания постановления Стародубова и Гайда разошлись. Первая пишет о тех актах, срок внесения которых (2 месяца) в Государственную

думу не истек к 27 февраля; второй же — о тех актах, срок внесения которых уже истек к 27 февраля. Но принимать постановления об отмене актов, срок внесения которых в Думу уже истек, было бессмысленно, так как они автоматически теряли свою юридическую силу. Временному правительству достаточно было в этих случаях делать соответствующие разъяснения (принимать заключения).

Подчеркнем, что постановление, на которое ссылаются Стародубова и Гайда, не было законодательным актом Временного правительства, а являлось лишь заключением Юридического совещания от 22 марта 1917 г.¹³³ Важно установить судьбу этого заключения. Выяснено, что оно 25 марта было рассмотрено Временным правительством и принято им, но лишь отчасти. Приведем полный текст журнального постановления Временного правительства: «Согласно заключению Юридического совещания, признать сохраняющими силу, *впредь до отмены Временным правительством* (курсив наш — А.Н.), постановления, утвержденные в порядке применения статьи 87 «Основных государственных законов» (Св. Зак., т. I, ч. 1, изд. 1906 г.) до 27 февраля 1917 года, оправдательные представления по коим, — за неиспечением к указанному числу предусмотренного той же статьей двухмесячного срока, — не были внесены на рассмотрение законодательных учреждений»¹³⁴. Иначе говоря, Временное правительство заявляло о том, что оно может отменить или не отменять постановления, проведенные по 87-й статье до 27 февраля 1917 г. В этом постановлении Временного правительства нет слов о том, что 87 статья «должна считаться отпавшею». Нет слов и о том, что Дума была лишена возможности утверждать акты, проведенные по 87-й статье. Из этого постановления вытекало только то, что Временное правительство рассматривало Государственную думу как находящуюся в состоянии перерыва своей законодательной деятельности. Более того, Временное правительство как бы гарантировало (можно трактовать и так!) Государственной думе, что оно сохранит эти акты действующими вплоть до возобновления сессионных заседаний Государственной думы.

В марте 1917 года Временное правительство пользовалось своим правом разрешать судьбу актов, проведенных по 87-й статье. 4 марта 1917 г. Временное правительство поручило «министру земледелия, по соглашению с министром внутренних дел представить проект указа о приостановлении действия проведенных в порядке статьи 87 Основных законов мер о ликвидации немецкого землевладения в части, касающейся коренных жителей из числа русских подданных». А на заседании 11 марта это постановление было принято¹³⁵. 22 марта 1917 г. Временное правительство отменило положение от 31 января 1916 г. «Об установлении в некоторых случаях уголовной ответственности за посягательства на нижних чинов Собственного его императорского величества сводного пехотного полка, как за преступные деяния против часовых»¹³⁶. 23 марта Временное правительство постановило «отменить изданное в порядке статьи 87 Основных государственных законов положение Совета министров от 13 мая 1916 г. о наказуемости лиц, принадлежащих к составу общественных и частных организаций, учрежденных для удовлетворения вызываемых войной потребностей, за совершенные сими лицами при исполнении своих обязанностей деяния, заключающие в себе признаки подлога, мадоимства, лихоимства и

особых злоупотреблений по подрядам и поставкам (Собр. Узак. 1916 г. ст. 1017)»¹³⁷.

В связи с дискуссией о 87-й ст. встает вопрос: а для чего необходимо было вообще ее отменить? С.В. Редких, рассуждая о необходимости отмены ст. 87 ОГЗ, заявляет, что без этой меры «все правовые акты», принятые Временным правительством «в период междувластия, могли быть признаны недействующими»¹³⁸. Ф.А. Гайда в рецензии на монографию «Государственная дума в Февральской революции» был вынужден согласиться с тем, что ОГЗ не были отменены Временным правительством и продолжали действовать в последующий период. Но, оставаясь сторонником того, что 87-я статья была отменена Временным правительством, Гайда, характеризуя наши рассуждения, заявляет, что они «отдают юридической казуистикой», а «вопрос применения 87 статьи после 3 марта 1917 г. мог интересовать лишь таких «любителей» дореволюционного права, как В.А. Маклаков. <...> После объявления о созыве Учредительного собрания серьезно обсуждать вопрос о 87 статье было смешно»¹³⁹. Но, напомню, что этот вопрос обсуждался и в Юридическом совещании, и на заседаниях Временного правительства!!! Хотя увязка объявления о созыве Учредительного собрания с вопросом об отмене 87-й статьи, о которой пишет Гайда, кажется перспективной. Действительно, все временное законодательство подлежало пересмотру/подтверждению (юридическому закреплению) именно Учредительным собранием или в установленном им законодательном порядке. Поэтому факт отмены или сохранения ст. 87 ОГЗ никакой роли в данном случае не играл. Думается, что обсуждение этого вопроса было связано с предстоящей реализацией той схемы власти, о которой договорились Родзянко и часть членов Временного правительства. Предположительно Временное правительство могло опасаться, что при возобновлении нормальной деятельности двух палат Российского парламента при верховной власти думского Комитета, какая-то часть принятых им законов будет палатами отклонена или не получит утверждения со стороны ВКГД. Именно поэтому особенно остро встал вопрос о 87-й статье. В случае же ее отмены Временное правительство не должно было бы вносить принятые им законы в Государственную думу или в Государственный совет, не нуждалось бы в утверждении их со стороны верховной власти в лице ВКГД. И тем самым оно смогло бы сохранить свое законодательство вплоть до Учредительного собрания.

Можно утверждать, что в марте 1917 года ни ст. 87 ОГЗ, ни сами Основные государственные законы отменены Временным правительством не были. Поэтому с юридической точки зрения в этот период полномочия Временного правительства и его независимости от парламента (в смысле отсутствия правовых основ для деятельности законодательного представительства) не было достигнуто.

В марте 1917 г. депутаты IV Государственной думы не обошли своим вниманием вопрос о ее судьбе. Уже 5 марта 1917 г. в ходе частного совещания членов Государственной думы речь шла о функциях ВКГД. По сообщению газет, было принято решение «просить членов Временного комитета дать отчет о своих действиях». Кроме этого, «совещание склонилось к тому, что, если будет признано необходимым, члены Думы не должны настаивать на сохранении Временного

комитета»¹⁴⁰. Подробности этого совещания пресса не публиковала. В связи с этим не известны ни инициаторы принятия этого решения, ни его мотивировка. Можно лишь утверждать, что в случае его реализации комбинация с приданием ВКГД полномочий органа, обладающего верховной властью до созыва Учредительного собрания, была бы неосуществима. Любопытно, что в этот же день, т.е. 5 марта, председатель Совета министров князь Г.Е. Львов в беседе с корреспондентом «Биржевых ведомостей» указал, что «вопрос о созыве палат в настоящее время не возбуждался». Напомнив, что Временное правительство сосредоточило «в себе всю власть в Империи» «волей народа», Львов заявил: «Эту власть оно сохранит до созыва Учредительного собрания, которое и должно будет определить образ правления России». В конце беседы Львов был уже не так категоричен: «Едва ли возможен созыв палат до созыва Учредительного собрания»¹⁴¹. Т.е. шанс, пусть и небольшой, на возобновлении деятельности Государственной думы и Государственного совета он все-таки оставлял. Правда, Г.Е. Львов не сказал, при каких условиях это может произойти.

6 марта в конце частного совещания членов Государственной думы, проходившего в кабинете М.В. Родзянко, появился А.Ф. Керенский, который сделал важное заявление. Обращаясь к думцам, он сказал, что Государственная дума «является единственным законным представителем, и ваши желания я считаю для себя священными». И в следующих фразах вновь повторил эту мысль: «Государственная дума является полноправной и законнейшей представительницей русского народа. Ее воля для меня священна. Я слушаю вашего приказа». Вслед за этим развернулось обсуждение вопроса о возобновлении заседаний Государственной думы. Депутат Л.Г. Люц (земец-октябрист) заявил: «— Она может собраться, <...> если председатель ее созовет». Член думского Комитета В.А. Ржевский (прогрессист) говорил, что «председатель не должен ее созывать». Ржевский считал, что Государственная дума «должна устроить торжественное заседание, чтобы провозгласить новый строй, к которому нас привела только что пережитая неделя». По словам А. Гессена, подавляющее большинство членов Временного комитета стояло на той позиции, что «Гос[ударственная] дума существует и может быть созвана по первому распоряжению ее председателя»¹⁴². Вопрос о возобновлении заседаний Государственной думы более в марте 1917 года на частных совещаниях не поднимался.

М.В. Родзянко в марте 1917 года продолжал поддерживать, в первую очередь в среде военачальников, верховный статус думского Комитета, ограничивая его пока исключительно правами источника власти Временного правительства. В связи с этим интерес представляет телефонный разговор между главкосевом Н.В. Рузским и М.В. Родзянко 18 марта 1917 г. Родзянко в этом разговоре объяснил Рузскому, что «Временный комитет Государственной думы является органом высшего контроля над действиями исполнительной власти и, в случае удаления от власти кого-либо из господ министров — заменяет таковых<...>»¹⁴³.

В первой половине марта 1917 г. появились слабые признаки возможного возобновления Государственной думой своих законодательных функций. 14 марта на вечернем заседании Временного правительства по представлению военного

министра А.И. Гучкова было постановлено: «Предоставить военному министру внести представление об изменении порядка передачи наследникам и использовании оставшихся после убитых казаков седел на рассмотрение Государственной думы»¹⁴⁴. Это постановление говорило только об одном: Государственная дума в ближайшее время должна была приступить к нормальной работе как законодательное представительное учреждение. Интересно, что в этот же день, т.е. 14 марта, начальник Инвалидного императора Павла I дома генерал-майор А.Н. Рыков подал в Главный Морской штаб рапорт, который содержал расчет «о довольствии призреваемых инвалидов и их жен вверенного мне Инвалидного дома» «для представления в Государственную думу и внесения в смету на средства Государственного казначейства»¹⁴⁵.

Несколько позднее на утверждение ВКГД поступил устав Александринского театра, выработанный Комитетом драматической труппы¹⁴⁶. Все это, несомненно, говорило о востребованности со стороны учреждений и официальных лиц законодательной деятельности Государственной думы или хотя бы ее Временного комитета.

В апреле 1917 года вопрос об отмене ОГЗ или 87-й статьи на повестке дня уже не стоял. В своих заключениях и постановлениях Временное правительство о 87-й статье упоминало крайне редко. Выявлено всего два таких случая. Так, 3 апреля оно приняло заключение государственного контролера И.В. Годнева «по возбужденном академиком Рейном вопросу о порядке ликвидации упраздненного ведомства государственного здравоохранения», в котором, в частности, указывалось, что «за прекращением 15 января 1917 г. действия осуществленной по статье 87 Основных государственных законов меры, касающейся учреждения Главного управления государственного здравоохранения, признать всех служащих в этом Главном управлении уволенными от службы в нем с того же срока»¹⁴⁷. В этот же день Временное правительство постановило: «Действие последовавшего 27 августа 1916 г., в порядке статьи 87 Основных государственных законов, постановления о воспрепятствии повышать цены на жилые помещения (Собр. узакон. Ст. 1863) распространить на город Новониколаевск, Томской губернии»¹⁴⁸.

В апреле месяце должна была состояться реализация формулы власти, которая включала верховенство власти ВКГД и ответственное Временное правительство при одновременном действии двух законодательных палат, чем дополнительно достигалась преемственность от императорской власти (возобновление сессионных заседаний Государственной думы и Государственного совета согласно указу императора Николая II от 25 февраля 1917 года должно было произойти в апреле того же года). Н.В. Белошанка по этому поводу пишет: «Глава Временного правительства кн. Львов обещал созвать Думу 27 апреля, в день, когда в 1906 г. парламент вошел в политическую структуру России (это соответствовало обещанному царским указом возобновлению сессии не позднее апреля)»¹⁴⁹. Н.А. Коваленко замечает, что в ответ на обещание князя Г.Е. Львова «члены Государственной думы воспряли духом». «Однако, — продолжает Коваленко, — в руководстве правительства все отчетливее стала проявляться тенденция к отторжению

представительной власти от реальной». И вскоре министр-председатель Львов уточнил, что «на заседании 27 апреля примут участие депутаты всех четырех Дум, которые окажутся в этот день в столице». Таким способом, «легальная полноценная сессия была подменена юбилейным собранием, не имевшим законодательной силы»¹⁵⁰. Заметим, что ни Белошапка, ни Коваленко не указывают ни источники, откуда они почерпнули приведенные ими сведения, ни дат, когда кн. Львов пообещал возобновить сессионные заседания Государственной думы, ни когда отказался это сделать.

Практически весь апрель 1917 года из думских кругов в прессу не поступало какой-либо информации о том, что депутаты обсуждают вопрос о возобновлении заседаний Государственной думы. Ситуация изменилась в дни апрельского политического кризиса, когда возникли проекты создания совещательного парламента, в том числе и проект В.В. Шульгина с паритетным советско-думским представительством¹⁵¹. По сообщению «Речи», при обсуждении проекта Шульгина «многие депутаты находят неправильным, что Государственная дума молчит и не высказывает точки зрения по поводу сорусского общественного мнения» создать «возможность высказаться не только Совету рабочих депутатов, но и Государственной думе, хотя бы в виде частного совещания депутатов»¹⁵². 22 апреля было созвано частное совещание членов Государственной думы, прошедшее под председательством С.И. Шидловского. Участники совещания так и не смогли решить вопрос о судьбе проекта Шульгина, а также высказали сомнение в необходимости возобновления заседаний Государственной думы. По словам «Петроградского листка», который ссылался на мнение депутатов, «дело, вернее всего, кончится тем, что в частные совещания Г[осударственной] думы будут допущены представители печати, дабы вопросы, поднимаемые на этих совещаниях, и обмен мнений, происходящий на них, могли бы полнее освещаться в газетах и страна знала бы, какого мнения по тому или иному вопросу держатся депутаты»¹⁵³. Заметим, что о необходимости допуска представителей печати на частные совещания говорил 22 апреля депутат IV Государственной думы о. А.Л. Трегубов (балашевец). С.И. Шидловский обещал передать это предложение на обсуждение Временного комитета Государственной думы¹⁵⁴. 24 апреля в прессе сообщалось о проведении 27 апреля 1917 года торжественного заседания, на котором предполагалось «чествование членов Гос[ударственной] думы первого созыва»¹⁵⁵.

В этот же день на заседании Временного комитета Думы М.С. Аджемову было поручено «выработать проект воззвания к стране» от имени ВКГД «в связи с событиями 20—21 апреля»¹⁵⁶. Кроме этого, обсуждался и вопрос о праздновании 11-й годовщины открытия I Государственной думы. Думский Комитет принял решение устроить 27 апреля «торжественное собрание с участием депутатов всех четырех созывов». ВКГД поручил И.Н. Ефремову «войти в сношение с представителями всех фракций и выработать порядок дня торжественного заседания»¹⁵⁷. На следующий день И.Н. Ефремов, возглавивший Бюро по устройству торжественного заседания, обратился через прессу к депутатам, желающим принять участие в нем, получить 26 апреля 1917 г. билеты, которые будут выдавать с 11 час. утра в

Приставской части¹⁵⁸. Обратим внимание на то, что в прессе созыв торжественного заседания показан как самостоятельное мероприятие думского Комитета, нет никакой информации о том, что вопроса о его проведении. В связи с этим можно лишь предположить, что отказ кн. Г.Е. Львова реализовать формулу власти, о которой была достигнута договоренность с М.В. Родзянко в начале марта, произошел после 21 и до 24 апреля 1917 г.

Не излагая хода заседания 27 апреля 1917 года, отметим лишь то, что никто из его участников не поставил вопрос о необходимости возобновления заседаний Государственной думы. Правда, в приветствии от группы граждан (г. Киев) прозвучало пожелание, чтобы депутаты Государственной думы всех созывов «образовали совет депутатов для поддержки и контроля Временного правительства»¹⁵⁹. В этот же день в прессе было опубликовано воззвание ВКГД о событиях 20–21 апреля 1917 года, в котором заявлялось, что «в это трудное время Временное правительство должно обладать всею полнотою власти»¹⁶⁰.

Таким образом, основным содержанием вопроса о судьбе Государственной думы в марте-апреле 1917 года стала реализация конструкции власти при верховенстве думского Комитета с ответственным правительством и действующими законодательными палатами — Государственной думой и Государственным советом. Идея эта возникла, предположительно, в недрах формирующегося Временного правительства и была предложена М.В. Родзянко в обмен на его поддержку демонтажа существовавшей тогда царской власти. Отречение императора Николая II и акт великого князя Михаила от восприятия верховной власти создавали благоприятные условия для реализации этой формулы власти. Временное правительство, вроде бы безответственное по своему характеру, не смогло стать полновластным правительством, в том числе и потому, что не посмело сразу же отменить Основные государственные законы (или хотя бы 87-ю ст. ОГЗ), а вместе с ними Государственную думу и Государственный совет.

Думается, что в срыве плана возобновления законодательной деятельности Государственной думы определенную роль сыграл апрельский политический кризис. Созывать Государственную думу (и Государственный совет!) на сессию Временному правительству, находящемуся в условиях выхода из кризиса на путях коалиционного строительства, было невозможно. Кроме этого, Временное правительство уже привыкло к своему «условно» безответственному положению. И реализовать новую конструкцию власти, при которой оно должно было приобрести характер ответственного перед законодательными палатами и подчиненного думскому Комитету, как бы он ни назывался — Верховный совет или Верховный комитет, — Временное правительство не хотело.

Несомненно, что М.В. Родзянко мог и без Временного правительства возобновить думскую сессию, так как в действительности Государственная дума на каникулы не уходила, а находилась в состоянии технического перерыва. Но смысла в этом не было, так как вторая сторона отказалась выполнять условия договоренности, а, значит, и реализация новой формулы власти была невозможна. Кроме этого, М.В. Родзянко не мог не учитывать того факта, что многие депутаты

высказывали сомнения в необходимости возобновления законодательной деятельности IV Государственной думы.

В этих условиях думскому Комитету оставалось лишь заявить о полномочии Временного правительства и провести торжественное заседание депутатов Государственной думы всех четырех созывов.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект «Россия в Первой мировой войне (1914–1918 гг.)» № 12-31-10020.

¹ *Гайда Ф.А.* Февральская революция и судьба Государственной думы // Вопросы истории. 1998. № 2.

² *Сталин И.В.* Победа контрреволюции // *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1953. Т. 3. С. 131.

³ *Ленин В.И.* Как и почему крестьян обманули? // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1981. Т. 32. С. 402.

⁴ *Старосельский Я.В.* Идеология либерализма в столкновении с революцией. К вопросу о позиции буржуазии в Февральской революции // Революция права. 1927. № 3. С. 131, 137.

⁵ История гражданской войны в СССР / Под ред. И. Сталина и др. Сост. тома: И.И. Минц и др. М., 1937. Т. 1. С. 121.

⁶ *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 330.

⁷ *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава / Под ред. О.Н. Знаменского. Л., 1980. С. 116.

⁸ *Калинычев Ф.И.* Государственная дума в России. Сборник. М., 1957. С. 499.

⁹ *Иванов С.С., Скрипилев Е.А.* Государство и право в период февральской буржуазно-демократической революции 1917 года и двоевластия в России. Учебное пособие. М., 1964. С. 23.

¹⁰ *Ознобишин Д.В.* Временный комитет Государственной думы и Временное правительство // Исторические записки. М., 1965. Т. 75. С. 275.

¹¹ *Минц И.И.* История Великого Октября. В 3-х т. Изд. второе. М., 1977. Т. I. С. 516.

¹² *Гайда Ф.А.* 1) Февральская революция и судьба Государственной думы / Вопросы истории. 1998. № 2. С. 35; 2) Механизм власти Временного правительства (март-апрель 1917 г.) // Отечественная история. 2001. № 2. С. 143.

¹³ *Сафонов М.* 1) Отречение // Секретные материалы 20 века. 2004. №14(141). Июль. С.18; 2) Ложь и правда об отречении Николая II // Нестор. № 3 (2000. № 3). Между двух революций 1905–1917. Источники, исследования, историография / Ред. номера И. В. Лукоянов. СПб., 2004 (2005). С. 272.

¹⁴ *Белошапка Н.В.* Временное правительство в 1917 г.: механизм формирования и функционирования. М., 1998. С. 26.

¹⁵ Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906—1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 591; Смирнов Н.Н. Февраль и российская государственность // Россия в XIX—XX вв. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина / Под ред. А.А. Фурсенко. СПб., 1998. С. 311—312; А.И. Юрьев и Э.А. Ерзин пишут: «Прежде всего, Временное правительство погасило вопрос о восстановлении парламентских полномочий IV Государственной думы, отклонило его на своем первом заседании, опасаясь исчерпанности своей временной власти или хотя бы ограничения своего полновластия» (Юрьев А.И., Ерзин Э.А. Парламент России — продолжение Прошлого или начало Будущего? // Парламент как субъект или объект изменений. Психология парламентаризма / Под ред. А.И. Юрьева. СПб., 1999. С. 155).

¹⁶ Соболев Г.Л. Временное правительство и проблема слома старой государственной власти // Российская государственность: история и современность. Сб. ст. / Отв. ред. М.В. Ходяков. СПб., 2003. С. 351.

¹⁷ Холяев С.В. Три Февраля 1917 года // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 38.

¹⁸ Макушин А. 1) Узловые проблемы истории российского либерализма // Исторические исследования в России — II. Семь лет спустя / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2003. С. 356; 2) О роли либеральной интеллигенции в Февральской революции 1917 года // Исторические записки: Научн. труды ист. ф-та ВГУ. Воронеж, 2003. С. 60.

¹⁹ Дмитриев Ю.А., Черкашин Е.Ю. Законодательные органы России от Новгородского веча до Федерального Собрания (сложный путь от патриархальной традиции к цивилизации). М., 1994. С. 68; Кретов Б.И. Парламентаризм в России: история и современность. Учебное пособие. М., 2001. С. 38.

²⁰ Дмитриев Ю.А., Черкашин Е.Ю. Указ. соч. С. 68.

²¹ Онишко Н.В. Развитие идей парламентаризма в России в начале XX века // Правовая политика и правовая жизнь. Академический и вузовский юридический журнал. Саратов; М., 2003. № 1(10). С. 50.

²² Николаев А.Б. 1) Государственная дума в Февральской революции: очерки истории / Предисл. С. Ляндрес. Рязань, 2002. С. 224—246; 2) Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года / Научн. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2005. С. 546—588.

²³ Гайда Ф.А. А.Б. Николаев. Государственная дума и Февральская революция: очерки истории / Предисл. С.М. Ляндрес. Рязань, 2002. 302 с. // Русский сборник. Исследования по истории России XIX—XX вв. / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров и др. М., 2007. Т. IV. С. 335—336. Гайда ссылается на монографию «Государственная дума в Февральской революции» (С. 91, 242).

²⁴ Редких С.В. Процедура нормоконтроля в деятельности Юридического совещания Временного правительства // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 31 (169). Право. Вып. 21. С. 112.

²⁵ Редких С.В. Правовые и политические предпосылки законотворческой

деятельности Юридического совещания // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 2. С. 45.

²⁶ Румянцева М.Ф. Исторические источники XVIII — начала XX века // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 343.

²⁷ Скрипилев Е.А. Всероссийское Учредительное собрание. Историко-правовое исследование. М., 1982. С. 85. Заметим, что Скрипилев ошибочно датировал сообщение Временного комитета членов Государственной думы об образовании Временного правительства и о его составе 3 марта (Там же). В действительности, документ необходимо датировать 2 марта, когда он впервые был опубликован (Новое правительство // Известия [Комитета петроградских журналистов] (далее — Известия КПЖ). 2 марта. № 6 (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время», Эртелев пер., д. 13).

²⁸ Российское законодательство X—XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / Отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1994. С. 118—121; Составители издания опубликовали указанные документы по «Вестнику Временного правительства» (1917. 5 марта). Вместе с тем необходимо учитывать, что впервые они были опубликованы в «Известиях КПЖ», соответственно: Первые шаги Исполнительного комитета // Известия КПЖ. 1917. 28 февраля. № 2; Комиссары Исполнительного Комитета // Там же. 1 марта. № 4; Новое правительство // Там же. 2 марта. № 6.

²⁹ Продовольствие // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7.

³⁰ Гайда Ф.А. // Русский сборник. С. 333.

³¹ Ляндрес С. Протокольная запись «частного совещания» членов Государственной думы 27 февраля 1917 г. как источник по истории парламентаризма в России // История парламентаризма в России (к 90-летию I Государственной думы). Сб. научн. ст. / Под ред. В.И. Старцева. СПб., 1996. Ч. II. С. 28—31, 104—111.

³² Протокол частного совещания членов Государственной думы // Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов / Сост. О.А. Шашкова. Отв. ред. А.Д. Степанский, В.И. Миллер. М., 1996. С. 146—148.

³³ Lyandres S. Zur Errichtung der revolutionären Macht in Petrograd: Neue Dokumente über die inoffizielle Beratung von Mitgliedern der Staatsduma am 27.2.1917 // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1997. Unternehmertum in Russland. Berlin, 1998. S. 305—324.

³⁴ Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов / Сост. О.А. Шашкова. Отв. ред. А.Д. Степанский, В.И. Миллер. М., 1996. С. 109—145.

³⁵ Николаев А.Б. «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля — 3 марта 1917 года»: введение, текст и комментарии // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы

истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2012. С. 223–340.

³⁶ Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 115; *Николаев А.Б.* «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля – 3 марта 1917 года»: введение, текст и комментарии. С. 244.

³⁷ *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 137.

³⁸ Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 154.

³⁹ Февральская революция 1917 года (Документы Ставки верховного главнокомандующего и Штаба главнокомандующего армиями северного фронта) / Текст подг. к печат. А.А. Сергеев // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 9, 26, 29.

⁴⁰ От Временного правительства // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7.

⁴¹ Новое правительство // Известия КПЖ. 1917. 2-3 марта. № 6-7 (Типография газеты «Русская воля»).

⁴² *Старцев В.И.* Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г. / / Нестор. 2000. № 3. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Между двух революций 1905–1917. Источники, исследования, историография. СПб., 2004 (2005). С. 213.

⁴³ 4 марта так охарактеризовали Временное правительство собрание фельдшеров клиник при Военно-медицинской академии (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1246. Л. 28а).

⁴⁴ От Временного Правительства // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7 (Типография Т-ва А.С. Суворина – «Новое время»).

⁴⁵ Манифест Николая II // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 8.

⁴⁶ *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения / Отв. ред. Н.Н. Маслов. Л., 1976. С. 22.

⁴⁷ Документы к «Воспоминаниям» ген[ерала] А. Лукомского // Архив русской революции. В 22 т. / Изд. И.В. Гессеном. М., 1991. Кн. 2. Т. 3. С. 265.

⁴⁸ *Вершинин В.* Вместо венка (некролог) // Дни. 1924. 31 января (Берлин).

⁴⁹ В опубликованном тексте переговоров 3 марта Родзянко с Алексеевым указания о сроках созыва Учредительного собрания нет. Но в телеграмме Алексеева командующим фронтам, которую он начал рассылать им после 1 часа дня 27 мин. 3 марта, этот срок (не ранее, чем через полгода) уже упоминается (Февральская революция 1917 года (Документы Ставки). Т. 3 (22). С. 22, 26); РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. ЛЛ. 41–42).

⁵⁰ Февральская революция 1917 года (Документы Ставки). Т. 3 (22). С. 28.

⁵¹ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.) / Отв. ред. Л.Г. Захарова. М., 2003. С. 326.

⁵² *Николаев А.Б.* Государственная дума в Февральской революции: очерки

истории / Предисл. С.М. Ляндрес. Рязань, 2002. С. 227–229.

⁵³ Февральская революция 1917 года (Документы Ставки). Т. 3 (22). С. 25, 26.

⁵⁴ М.В. Алексеев телеграфировал им: «<...> не ранее полугода собрать Учредительное собрание для определения формы правления; до того времени власть сосредоточивается [в] руках Временного комитета Государственной думы, ответственного министерства, уже сформированного, при действии обеих законодательных палат. Родзянко мечтает и старается убедить, что при такой комбинации возможно быстрое успокоение<...>» (РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. ЛЛ. 41–42).

⁵⁵ Февральская революция 1917 года (Документы Ставки). Т. 3 (22). С. 29.

⁵⁶ Ксюнин А.И. Предисловие // Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная дума и Февральская 1917 года революция. Полное издание записок председателя Государственной думы с дополнениями Е.Ф. Родзянко. М., 2002. С. 10.

⁵⁷ Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997. С. 393.

⁵⁸ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства. С. 104.

⁵⁹ Ершов Д. Воспоминания о первых днях Февральской революции, 1922 г. / ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1319. ЛЛ. 8, 10.

⁶⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1353. Л. 156.

⁶¹ О популярности М.В. Родзянко оставили свидетельства лица, принадлежавшие к различным социальным слоям. А.С. Ручьевский, бывший в 1917 г. солдатом, вспоминал: «Один рабочий очень возбужденного вида подходит ко мне и говорит — создается новая опасность. Я спрашиваю [:] Какая [?] Он говорит: Родзянко завоевывает симпатии солдат. Легко может случиться, что войска пойдут за Родзянко. Тогда пропала революция» ([Ручьевский А.С.] Февраль—октябрь 1917 г. Воспоминания Ручьевского, б/д. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1334. Л. 4). Приведем запись А. Ремизова, характеризующую высокий авторитет Родзянко среди солдат Петроградского гарнизона: «<...>... — Если Родзянко сказал, что так надо, значит уж так надо!» — отвечает он (солдат — А.Н.) «<...>» ([Ремизов А.] Всеобщее восстание. Временник Алексея Ремизова // Эпопея. М.; Берлин, 1922. № 1. Апрель. С. 76). А.А. Демьянов вспоминал позднее: «Родзянко не боялся слов и не боялся идей. Он говорил войскам <...> о новом строе и о свободе. Поведение его на то время истинно достойно похвалы. Популярность его в то время среди войск была громадна» (Демьянов А.А. Временное Правительство, Совет рабочих и солдатских депутатов и армия // ГАРФ. Ф. 6632. Оп. 1. Д. 14. Л. 23). А.В. Тимирева писала адмиралу А.В. Колчаку 2 марта 1917 г.: «Родзянку войска очень чтут и величают «высокопревосходительством»» (Милая химера в адмиральской форме. Письма А.В. Тимиревой А.В. Колчаку / Изд. подг. А.В. Смолин и Л.И. Спиридонова. СПб., 2002. С. 167).

⁶² Рабочие, служащие и инженеры завода Русско-бельгийского металлургического общества в телеграмме, полученной 4 марта, приветствовали М.В. Родзянко как «великого первого гражданина России» и «спасителя Отечества от внутреннего

врага» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1267. Л. 32).

⁶³ И.Л. Архипов, например, пишет: «В февральские дни, когда к Думе стекались толпы «восставшего народа», выступления Родзянко стали своего рода символом времени». Но тут же автор замечает: «Однако уже тогда авторитет Родзянко как председателя Думы для революционных масс был отнюдь не бесспорен. Солдаты далеко не всегда соглашались прислушиваться не только к «совету», но и к «приказу» председателя Думы» (*Архипов И.Л. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко // Отечественная история. 2006. № 3. С. 121*).

⁶⁴ М.В. Родзянко, ознакомившись с телеграммой рабочих Кожевенного завода и Механической фабрики братьев Савиных, поставил резолюцию: «Подлежит оглашению». Телеграмма была получена в Петрограде 5 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1253. Л. 70).

⁶⁵ Именно так характеризовал поведение М.В. Родзянко уже в первые послефевральские дни М.В. Шахматов. Он, вспоминая о первом «после переворота» заседании Особого совещания по обороне государства, писал: «В зале Совета министров собралось особенно много членов Совещания — оно было в полном составе. М.В. Родзянко немного припоздал, когда он приехал уже все были в сборе. Он вошел, высоко держа голову, с величественной осанкой, ощущая, очевидно, себя первым в России человеком, победителем и завоевателем великого царства, чем-то вроде президента Российской Державы. Его встретили громовыми рукоплесканиями, долго не смолкавшими...» (*Шахматов М.В. Последние дни Мариинского дворца и Петрограда. Прага, 1927 // Российский архив. М., 2005. Т. IV. С. 687*).

⁶⁶ Не исключено, что при определенной настойчивости М.В. Родзянко смог бы добиться реализации этой идеи. Тем более, что в дни Февральской революции он пользовался популярностью революционной толпы. Но уже 1 марта наблюдательный современник отметил, что против Родзянко в Таврическом дворце начинает вестись агитационная работа — «кто-то призывает не доверять особенно Родзянко». В защиту Родзянко выступил депутат И.Т. Евсеев (кадет). Он сказал «о недопустимости распространения неосновательных подозрений по отношению к человеку, пользующемуся заслуженным авторитетом всех партий в Думе» (*Боровский Ф. Неделя 2-ой Великой русской революции 1917 года. Эпизоды и впечатления, записанные на улицах Петрограда. 2-е изд-е. Пг., 1917. С. 28–29*).

⁶⁷ См. подр.: *Николаев А.Б. Революция и власть. С. 557–558*.

⁶⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 32. Л. 154. 8 марта 1917 г. копия этой телеграммы была препровождена министром внутренних дел министру финансов М.И. Терещенко (Там же. Л. 153).

⁶⁹ Февральская революция 1917 года (Документы ставки). Т. 3 (22). С. 22.

⁷⁰ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы / Ред. колл.: Б.Д. Гальперина, О.Н. Знаменский, В.И. Старцев. Отв. ред. В.И. Старцев, Ю.С. Токарев. Отв. сост. Б.Д. Гальперина. Л., 1991. Т. 1. С. 46–103 (просмотрены документы и материалы за 1–3 марта 1917 года).

⁷¹ *Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993;*

Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2; *Родзянко М. В.* Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. В 22 т. / Изд. И.В. Гессеном. М., 1991. Кн. 3. Т. 6; *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 1. Кн. 1–2; *Шульгин В.В.* Дни. 1920: Записки. М., 1989; и др.

⁷² *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.; *Злоказов Г.И.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции (февраль-июнь 1917 г.). М., 1969; *Токарев Ю.С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л., 1976; *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства.

⁷³ Телеграмма от А.И. Гучкова и В.В. Шульгина была получена в Петрограде в 2 часа 17 мин. ночи (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1245. Л. 10).

⁷⁴ *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. С. 150.

⁷⁵ *Миллюков П.Н.* Указ. соч. С. 271.

⁷⁶ *Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 560.

⁷⁷ *Николаев А.Б.* Размышления над рецензией профессора Ц. Хасегавы // Journal of Modern Russian History and Historiography. Leiden, Boston, 2013. № 6. P. 32–33.

⁷⁸ Н.В. Некрасов в Киеве // Последние новости. 1917. 16 мая (утр. вып.) (Киев).

⁷⁹ *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства. С. 109.

⁸⁰ Отречение великого князя Михаила Александровича // Известия КПЖ. 1917. 4 марта. № 9 (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»).

⁸¹ *Маклаков В.А.* Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М., 2006. С. 324.

⁸² *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 208; *Старцев В.И.* Передача власти от Николая II Временному правительству (юридическая сторона) // Политическая история России первой четверти XX в.: Памяти профессора Виталия Ивановича Старцева / Ред. колл.: Б.Д. Гальперина (отв. ред. и отв. сост.) и др. СПб., 2006. С. 9.

⁸³ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). С. 310, 312.

⁸⁴ Кстати, в этом вопросе с нами отчасти солидарен Ф.А. Гайда, который пишет, что «юридически великий князь не мог передать кому бы то ни было верховную власть, поскольку не обладал ей в полной мере» (*Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). С. 310).

⁸⁵ Существует и другая точка зрения, которая высказывалась в прессе уже в марте 1917 г.: «<...> Николай отрекся от престола в пользу своего брата Михаила. И между 3 часами дня 2 марта, когда Николай подписал акт об отречении, и 4 часами дня 3 марта, когда Михаил передал всю свою власть Временному правительству, Михаил юридически был царем. Он, как носитель верховной власти,

законноустановленной, мог ею распорядиться <...> Михаил передал ее Временному правительству» (Л.Н. Юридическая природа власти Временного Правительства / / Биржевые ведомости. 1917. 7 марта (утр. вып.)).

⁸⁶ Редких С.В. Правовые и политические предпосылки законотворческой деятельности Юридического совещания. С. 19. Автор ссылается на монографию: Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции. С. 229.

⁸⁷ Редких С.В. Правовые и политические предпосылки законотворческой деятельности Юридического совещания. С. 19.

⁸⁸ Речь идет о графе Г.Э. Штакельберге и сенаторе А.В. Чарторийском, убитых 1 марта 1917 года (см. подробн.: Николаев А.Б. Отрезанные головы Февральской революции // 90 лет Февральской революции в России. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.) и др. СПб., 2007. С. 33–42).

⁸⁹ Секретарем великого князя Михаила Александровича был А.С. Матвеев.

⁹⁰ Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 278.

⁹¹ Подробности отречения великого князя Михаила Александровича // День. 1917. 9 марта.

⁹² [Ручьевский А.С.] Февраль–октябрь 1917 г. Воспоминания Ручьевского, б/д. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1334. Л. 4. Небезынтересно и то, что днем 2 марта в пользу регентства великого князя Кирилла при малолетнем царе Алексее в Петрограде велась агитация неизвестными лицами (Там же. Л. 5).

⁹³ Львов В. Роковая ошибка // Сибирская речь. 1919. 10 августа (Омск); Прочитируем также телеграмму адмирала А.В. Колчака за № 488/оп, отправленную в 2 часа дня 30 мин. 3 марта начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М.В. Алексею: «Секретная. Для сохранения спокойствия нахожу необходимым объявить <...> флоту[,] войскам[,] портам и населению[,] что в настоящее время является законной верховной властью в стране» (РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 53).

⁹⁴ Сторожев В.Н. Февральская революция 1917 г. // Научные известия. Сб. 1. Экономика, история, право. М., 1922. С. 143–144.

⁹⁵ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства. С. 116.

⁹⁶ Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 161–162.

⁹⁷ Малышева С.Ю. Временное правительство России. Современная отечественная историография / Научн. ред. А.Л. Литвин. Казань, 2000. С. 54.

⁹⁸ См. также статью: Николаев А.Б. Первое заседание Временного правительства и вопрос об отмене 87-й статьи Основных государственных законов // Герценовские чтения 2004. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: В.В. Барабанов (отв. ред.), А.Б. Николаев (сост.) и др. СПб., 2004. С. 102–106.

⁹⁹ Нольде Б.Э. Далекое и близкое. Исторические очерки. Париж, 1930. С. 142.

¹⁰⁰ Там же. С. 143.

¹⁰¹ Старцев В.И. Революция и власть: Петроградский Совет и Временное

правительство в марте - апреле 1917 г. М., 1978. С. 18.

¹⁰² Эта датировка журнала первого заседания Временного правительства установлена автором данной монографии самостоятельно. Но к этому же выводу о дате заседания ранее пришел и С.М. Ляндрес. Свои доводы он впервые изложил в сообщении на ежегодной (25-й) конференции AAASS 17 ноября 1994 г. в Филадельфии (Секция: «Вопрос о власти и ее легитимности в русской революции. Февраль—октябрь 1917 г.»), а затем повторил на 27-й конференции AAASS 12 ноября 1996 г. в Бостоне (круглый стол по проблемам легитимности в русском и советском обществе в XIX—XX вв.).

¹⁰³ *Нольде Б.Э.* Указ. соч. С. 143.

¹⁰⁴ *Набоков В.Д.* Временное правительство // Архив русской революции. В 22 т. / Изд. И.В. Гессеном. М., 1991. Т. 1. С. 24.

¹⁰⁵ *Витенберг Б.М.* 1) Яков Васильевич Глинка: жизнь в эпоху перемен // Из глубины времен. Альманах. СПб., 1998. № 10. С. 190; 2) Я.В. Глинка и его дневник / Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 31.

¹⁰⁶ Февральская революция 1917 года: Сборник. С. 161.

¹⁰⁷ *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства. С. 116—117.

¹⁰⁸ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1510. Л. 339.

¹⁰⁹ *Скрипилев Е.А.* Всероссийское Учредительное собрание. Историко-правовое исследование. М., 1982. С. 84.

¹¹⁰ От Временного Правительства // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7 (Типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время»).

¹¹¹ *Скрипилев Е.А.* Всероссийское Учредительное собрание. С. 85.

¹¹² Здесь речь, несомненно, идет о кадетских идеологах. В еженедельной газете «Право» читаем: «То, что свершилось, было государственным переворотом <...> На наших глазах развертывался процесс правового творчества, но только вне исторически условных рамок 1-й части I-го тома Свода законов 1906». И далее автор утверждал, что «упразднены, благодаря отсутствию царствующего монарха, основные законы 1906 г.» (Новое право // Право. 1917. № 8. 21 марта. Стб. 425).

¹¹³ *Скрипилев Е.А.* Указ. соч. С. 85.

¹¹⁴ Исследователь подчеркивает следующее: «Важная кодификационная особенность Основных законов заключается в том, что в их состав не вошли полностью все статьи из Учреждения Гос[ударственной] думы и Гос[ударственного] совета, а лишь самые важные из них. <...> В гл. 10 Основных законов содержатся постановления о продолжительности сессий обеих палат, об их созыве и роспуске, о составе членов обеих палат и их правах законодательной инициативы и запроса (ст. 99—101, 104, 105, 108 и 110—113). Эти статьи основных Законов соответствуют статьям 2—4, 32, 33, 49, 51 Учр[еждения] Гос[ударственной] думы и статьям 2, 9, 10, 30, 43, 44, 47, 51 Учр[еждения] Гос[ударственного] совета» (*Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи 1906—1917 г. Историко-право-

вой очерк. М., 1998. С. 152).

¹¹⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел первый. (Далее — СУ). 1917. 17 октября. № 256. Ст. 1846.

¹¹⁶ *Нольде Б.Э.* Указ. соч. С.143.

¹¹⁷ *Старосельский Я.В.* Идеология либерализма в столкновении с революцией. К вопросу о позиции буржуазии в Февральской революции // *Революция права.* 1927. № 3. С. 131; См. также: *Журналы заседаний Временного правительства.* М., 2001. Т. 1. С. 71, журнал № 14.

¹¹⁸ *Старцев В.И.* Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г. С. 213.

¹¹⁹ *Гайда Ф.А.* // *Русский сборник.* С. 336.

¹²⁰ Это постановление было разослано во все министерства, главные управления и Государственную канцелярию (См., напр.: РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 848. Л. 14; Ф. 1162. Оп. 2. 1917. Д. 2. Л. 93; Ф. 1289. Оп. 12. Д. 217. Л. 43; Д. 1153. Л. 11; Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1512. Л. 14 и др.)

¹²¹ *Журналы заседаний Временного правительства.* Т. 1. С. 95–96, журнал № 18.

¹²² *Гайда Ф.А.* Февральская революция и судьба Государственной думы // *Вопросы истории.* 1998. № 2. С. 36.

¹²³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1512. Л. 14.

¹²⁴ *Журналы заседаний Временного правительства.* Т. 1. С. 108, журнал № 21.

¹²⁵ *Стародубова А.Л.* Юридическое совещание 1917 г.: основные направления деятельности: Дисс. ... к. ист. н. М., 2000. С. 25.

¹²⁶ Стародубова пишет: «Юридическое совещание давало заключения по мероприятиям Временного правительства, имеющим характер законодательных актов, а также по иным мероприятиям, по которым Временное правительство считало необходимым иметь заключение Юридического совещания» (*Стародубова А.Л.* Юридическое совещание 1917 г.: основные направления деятельности: Автореф. дис. ... к. ист. н. М., 2000. С. 15).

¹²⁷ *Редких С.В.* Правовые и политические предпосылки законотворческой деятельности Юридического совещания. С. 44.

¹²⁸ *Гайда Ф.А.* Февральская революция и судьба Государственной думы. С. 36.

¹²⁹ См.: ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 12. Л. 43.

¹³⁰ *Стародубова А.Л.* Юридическое совещание 1917 г.: Дисс. ... к. ист. н. С. 26.

¹³¹ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914-весна 1917 г.). М., 2003. С. 316.

¹³² *Гайда Ф.А.* Февральская революция и судьба Государственной думы. С. 36.

¹³³ «Принимая во внимание: 1) что постановления, утвержденные до 27 февраля

1917 г. на основании ст. 87 Основных государственных законов, но не вынесенные за истечением двухмесячного срока в законодательные учреждения, должны почитаться законно-действовавшими ко времени изменения государственного строя, 2) что, за изменением 27 февраля 1917 г. государственного строя, ст. 87 законов Основных должна почитаться отпавшею и 3) что, вследствие этого, отпало установленное в ст. 87 Основных законов условие о внесении в течение 2-х месяцев соответствующих мерам принятых по этой статье законопроектов в законодательные учреждения, Совецание признало, что постановления, утвержденные в порядке ст. 87 зак. Осн. если к 27 февраля 1917 г. не протекло двух месяцев, должны ныне считаться действующими до их отмены Временным правительством без представления в законодательные учреждения» (ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 12. Л. 13).

¹³⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 165, журнал № 29.

¹³⁵ Журналы заседаний. Т. 1. С. 28–29, журнал № 4; С. 74, журнал № 15.

¹³⁶ Там же. С. 162, журнал № 28.

¹³⁷ СУ. 1917. 13 апреля. № 79. Ст. 455. Постановление подписали министр-председатель кн. Г.Е. Львов и министр юстиции А.Ф. Керенский.

¹³⁸ Редких С.В. Процедура нормоконтроля в деятельности Юридического совещания Временного правительства. С. 112.

¹³⁹ Гайда Ф.А. // Русский сборник. С. 336.

¹⁴⁰ Совещание членов Гос[ударственной] думы // Новое время. 1917. 7 марта.

¹⁴¹ Беседа с председателем Советом министров кн. Г.Е. Львовым // Биржевые ведомости. 1917. 6 марта (веч. вып.).

¹⁴² Гессен А. Гос[ударственная] дума существует // Биржевые ведомости. 1917. 7 марта (веч. вып.).

¹⁴³ Цит. по: Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.) С. 316–317.

¹⁴⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 90–91, журнал № 18.

¹⁴⁵ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2305. Л. 30.

¹⁴⁶ Государственные театры / Театральный курьер // Петроградский листок. 1917. 16 марта; Эхо / У рампы // Биржевые ведомости. 1917. 16 марта (веч. вып.).

¹⁴⁷ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 224–225, журнал № 40.

¹⁴⁸ СУ. 1917. 12 мая. № 108. Ст. 593. Постановление подписано министром-председателем кн. Г.Е. Львовым и министром юстиции А.Ф. Керенским.

¹⁴⁹ Белошапка Н.В. К вопросу о Юридическом совещании Временного правительства в 1917 г. // 1917 год и российский парламентаризм (сборник материалов научной конференции) / Ред. кол.: Н.Н. Смирнов (отв. ред.) и др. СПб., 1998. С. 60.

¹⁵⁰ Коваленко Н.А. 1917 год: новые подходы и взгляды. М., 2001. С. 73.

¹⁵¹ См. подр.: Николаев А.Б. «Парламентский» проект В.В. Шульгина //

Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды / Ред. кол.: И.Л. Афанасьев, А.Ю. Давыдов, В.И. Старцев. СПб., 1994. Вып. 2. С. 36–42; Николаев А.Б., Поливанов О.А. Российский парламентаризм в 1917 г. // Кентавр. Историко-политологический журнал. М., 1995. № 2. С. 84; Николаев А.Б. К вопросу об отношении Государственной думы к Государственному совещанию (1917 г.) // Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7 декабря 2010 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2011. С. 260–265.

¹⁵² Во Временном комитете Гос[ударственной] думы // Речь. 1917. 23 апреля.

¹⁵³ Почему молчит Государственная дума? // Петроградский листок. 1917. 24 апреля.

¹⁵⁴ Частное совещание членов Государственной думы // Биржевые ведомости. 1917. 23 апреля (утр. вып.).

¹⁵⁵ Вести и слухи // Петроградский листок. 1917. 24 апреля.

¹⁵⁶ Воззвание Временного комитета Гос[ударственной] думы / Отклики последних дней // Петроградская газета. 1917. 25 апреля.

¹⁵⁷ Петроград // Вестник Временного правительства. 1917. 25 апреля.

¹⁵⁸ Торжественное собрание депутатов четырех созывов // Биржевые ведомости. 1917. 25 апреля (веч. вып.).

¹⁵⁹ Приветствия Государственной думе в день годовщины введения народного представительства в России // Государственная дума. Известия Временного комитета. 1917. 11 мая. № 4. С. 11.

¹⁶⁰ Временный комитет Гос[ударственной] думы о событиях 20–21 апреля / Современное слово. 1917. 27 апреля.